СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

СБЯ

THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SLAVIC AND BALKAN LINGUISTICS

Iss. 25

PALAEOSLAVISTICA – 6

Executive Editor

Valeriya S. Efimova

Moscow
2025

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вып. 25

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

Ответственный редактор
В. С. ЕФИМОВА

Москва
2025

УДК 811.16
ББК 81.41
С 47

Редколлегия выпуска / Editorial board of the issue
д-р филол. наук В. С. Ефимова (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova (Executive Editor),
канд. ист. наук А. А. Турилов / PhD. (History) Anatolij A. Turilov

Редколлегия серии / Editorial board of the series
д-р филол. наук А. Ф. Журавлев (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Anatolij A. Zhuravlev (Executive Editor),
д-р филол. наук В. С. Ефимова / DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova,
д-р филол. наук И. А. Седакова / DSc. (Philology) Irina A. Sedakova,
д-р филол. наук, акад. РАН С. М. Толстая /
DSc. (Philology), Acad. RAS Svetlana M. Tolstaya,
д-р филол. наук Т. В. Цивьян / DSc. (Philology) Tatjana V. Tsivjan

Рецензенты / Reviewers
канд. филол. наук И. И. Макеева / PhD. (Philology) I. I. Makeeva,
канд. филол. наук И. В. Вернер / PhD. (Philology) Inna V. Verner

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 25: Палеославистика – 6: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. – 312 с.

Том «Палеославистика – 6» серии «Славянское и балканское языкознание» представляет собой монографию международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов текущих исследований славянских рукописей X–XIV вв. – их языка, текстологии и палеографии.

The volume of the “Slavic and Balkan Linguistics” series presents the monograph “Palaeoslavistica – 6” written by the international team of researchers. The sections of the co-authored monograph are devoted to the latest results of the ongoing research of the Slavic manuscripts written in the 10th–14th centuries, their language, textology, and palaeography.

ISSN 2658-3372
ISBN 978-5-7576-0525-8

DOI: 10.31168/2658-3372 (серия)
DOI: 10.31168/2658-3372.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие / Preface……. **7**

Виктор Савич. Будапештский глаголический отрывок: новые взгляды
Viktor Savić. Budapest Glagolitic Fragment: New Perspectives……. 13

А. Д. Паскаль. Неизвестный фрагмент славяно-молдавского списка молитвы Богородице Петра Черноризца
Alexander D. Pascal. Unknown Fragment of the Slavonic-Moldavian Copy of the Prayer to the Virgin Mary by Peter Chernorizets…… 45

К. В. Вершинин. Компиляция об Антихристе в Скалигеровом патерике XIII в.
Konstantin V. Vershinin. Compilation about the Antichrist in the Scaliger Patericon of the 13th Century…… 58

Г. С. Баранкова. Какой список Шестоднева лег в основу Архивского Хронографа?
Galina S. Barankova. Which Hexaemeron Copy Formed the Basis of the Archive Chronograph? ……. 77

А. В. Сизиков. Ранняя редакция древнейшего перевода книги Сираха в поздних списках
Aleksandr V. Sizikov. An Early Edition of the Oldest Slavonic Translation of Ben Sira in Later Copies…… 98

Йоханнес Райнхарт. Хорватская традиция апокрифа «Прение Иисуса с дьяволом» (BHG 812f-g)
Johannes Reinhart. The Croatian Tradition of the Apocryphon Iesu Contentio cum Diabolo (BHG 812f-g)…… 119

Виктория Легких. Служба святым страстотерпцам Борису и Глебу как модель русской княжеской службы
Victoria Legkikh. Service to SS. Boris and Gleb as a Model of Russian Princely Service…… 134

Барбара Ломаджистро. К вопросу о жанре *Толковой Палеи*
Barbara Lomagistro. Some Remarks on the *Paleya Tolkovaya* Literary Genre.. 170

А. Л. Лифшиц. Афанасий Никитин и его путеводители по Индии
Alexander L. Lifshits. Afanasy Nikitin and his Indian Travel Guides…….. 195

Г. А. Мольков. Орфографические данные о новгородском пономаре Тимофее
Georgiy A. Molkov. Orthographic Data about the Novgorod Sexton Timofey. 206

В. С. Ефимова. К вопросу о десемантизации глаголов творѧтн и сътворѧтн
Valeriya S. Efimova. On the Issue of Desemantization of the Verbs *tvoriti* and *sătvoriti*…….. 222

Я. А. Пенькова. Конструкции с глаголами *имѣти*, *имати* и *ѩти* в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской
Yana A. Penkova. Constructions with the Verbs *iměti*, *imati* and *jati* in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian..... 238

А. В. Григорьев. Существительные с суффиксом -ьб- в древнерусских рукописях XI–XIV вв.
Andrei V. Grigorev. Nouns with the Suffix -ьb- in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries…….. 265

Ростислав Станков. Некоторые редкие сложные слова в Хронике Георгия Амартола
Rostislav Stankov. Some Rare Composite Words in George Hamartolos' Chronicon…….. 276

М. Н. Саенко. Праславянское *lędwьj-: реконструкция семантики и формы
Michail N. Saenko. Proto-Slavic *lędwj-: Reconstruction of the Semantics and Form..... 283

DOI: 10.31168/2658-3372.2025.25.09

БАРБАРА ЛОМАДЖИСТРО
Университет Флоренции, Италия

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ *ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ*

Согласно *Словарю книжников и книжности Древней Руси*, «Палея Толковая – памятник, в котором пересказываются с полемическими, антииудейскими толкованиями, а также с многочисленными дополнениями и комментариями библейские книги» (Творогов 1987: 285). Приведенное определение емко вобрало в себя суть продолжительной и сложной в своей многогранности научной дискуссии о характере этого знаменательного памятника древнерусской литературы, занимавшего умы исследователей на протяжении практически двух последних столетий. И все же целый ряд вопросов остается до сих пор нерешенным. По-прежнему спорным является вопрос о самом характере памятника – представляет ли он собой перевод или же является оригинальным текстом, как равно не пролит свет на место и время его создания.

Большинство исследователей считает Толковую Палею оригинальным произведением, написанным на Руси одним автором, эпоха деятельности которого, однако, не поддается окончательному определению. Что же касается вопроса о его оригинальности, необходимо учесть тот факт, что до сих пор не обнаружен какой-либо текст на греческом либо на другом языке, который мог бы быть его оригиналом. Несмотря на это, существует гипотеза, согласно которой Палея опирается на различные иноязычные источники. Судить о месте и времени ее создания объективно сложно в силу того, что не обнаружены рукописи древнее XIV – конца XV веков. Кроме того, все дошедшие до нас списки – русского происхождения, хотя, по мнению некоторых исследователей, они содержат определенное количество южнославянских языковых элементов. Все это лишает нас возможности обосновать утверждение о существовании Палеи в более древних редакциях, при этом, если и принять его чисто теоретически, судить о форме Палеи невозможно.

Сложность проблемы заключается в том, что под названием «Палея» подразумеваются разные произведения. В научной литературе выделяются две независимые друг от друга группы: 1) Историческая Палея, представляющая собой перевод с греческого текста, который, однако, до сих не установлен (Сперанский 1892) – по содержанию это пересказ библейской истории от сотворения мира до царства Давида с малым количеством толкований и многочисленными апокрифическими текстами; 2) древнерусские компиляции, в основе которых лежит Толковая Палея, включающие более или менее обширную хронографическую часть, что объясняет получившее в научном обиходе название Полная Хронографическая Палея и Краткая Хронографическая Палея. Уточним, что в большинстве рукописей все разновидности Толковой Палеи, включая и Историческую, надписаны как «Палея».

Понимание необходимости разграничения палейных типов восходит к трудам Н. С. Тихонравова. С тех пор в научной литературе выдвигалось немало гипотез[1]. Долгое время оставалась общепринятой концепция В. М. Истрина о трех редакциях Палеи, хотя она и претерпела определенные поправки и уточнения. На сегодняшний день большинство ученых рассматривают Толковую, Хронографическую полную и Хронографическую краткую Палею как отдельные памятники (Водолазкин 2007). Разумеется, продолжается попытка более точно определить текстуальные соотношения между ними с тем, чтобы выявить отдельные редакции памятника и зависимость между ними (Козлова 2022).

Толковая Палея представляет собой последовательное изложение Восьмикнижия посредством многих и разнородных объяснений, в том числе позаимствованных из апокрифических текстов. Особенно характерными являются толкования, введенные в форме инвектив против предполагаемого оппонента «иудея». Древнейшей редакцией Толковой Палеи – или, по крайней мере, ее древнейшим известным примером, считается группа списков, восходящих к Коломенской «Палее» 1406 г. (Кол). Полная Хронографическая Палея отличается от Толковой тем, что в ней сокращена часть толкования, расширено изложение событий благодаря включению христианской истории и значительно пополнен состав за счет введения в текст новых апокрифических повествований

[1] Исчерпывающий обзор выдвигаемых предположений представлен в (Мильков 2020).

и хронографических сведений. Наиболее характерной рукописью данного типа является список Синодальный или Псковский (Син). Независимо от Полной Хронографической Палеи появилась Краткая Хронографическая, в которой толковательная часть подвергнута основательному сокращению, а хронографическая, напротив, обогащена. По сути, Хронографическая Палея фиксирует превращение толкового повествования в историческое, в результате чего Палея Толковая приобретает сходство с Хронографом.

В настоящей статье предпринята попытка выявить, к какому именно литературному жанру относится Толковая Палея, поскольку, по нашему мнению, объяснение этой проблемы позволяет решить конкретные вопросы о ее происхождении и использовании на протяжении веков. Мы уже ссылались на значимость двух элементов – обширность и разноплановость содержания и присутствие полемических антииудейских инвектив, в силу которых памятник определяется в научной литературе как произведение энциклопедического или полемического характера. В частности, некоторые исследователи предполагают, исходя из обширности затронутых в произведении тем, что Палея функционировала наподобие энциклопедии, однако нам кажется, что данное утверждение не является обоснованным, ибо не учитывает ее композиционную структуру. В византийской традиции энциклопедии строились по лексикографическому принципу, т. е. по леммам, объясняющим определенные лексические единицы, но Толковая Палея, со всей очевидностью, не соответствует такой структуре. Содержательная сторона в ней организована по библейскому повествованию Восьмикнижия с очевидной целью дать ему толкование.

Общепринятое мнение о полемической антииудейской направленности памятника привело к попыткам определить исторический контекст, обусловивший этот полемический настрой. Однако предлагаемые решения этого вопроса по существу противоречивы: согласно некоторым ученым, речь идет о Киевской Руси до момента монгольского нашествия, другие же говорят о Болгарии эпохи царя Симеона[2]. Нельзя не согласиться в этой связи с критическими возражениями Е. Водолазкина, отмечавшего, что представляется маловероятным,

[2] Представители русской филологической школы принципиально едины в том, что Толковая Палея была создана на Руси. По поводу гипотезы о болгарском происхождении, восходящей к А. А. Шахматову, см. (Славова 2002).

чтобы иудеи читали чисто христианское, очевидно предназначенное для христианской среды, произведение (Водолазкин 2007: 5). В своих рассуждениях ученый пришел к выводу, что Толковая Палея – не полемическое, а сугубо апологетическое произведение, в котором проявляются бесспорные черты древней экзегетической традиции, присущие аналогичным византийским текстам. В последнее время и другие исследователи отмечают, в той или иной мере, экзегетический характер памятника и его функциональное предназначение как текста для чтения Библии (Алексеев 2019).

Из проведенного нами анализа содержания и формы Толковой Палеи явствует, что это исключительно экзегетическое произведение, которое можно предварительно определить как свод библейских толкований, извлеченных в основном из патристической литературы и соответствующих в своем размещении ветхозаветному повествованию. Ниже мы остановимся лишь на ее формальных признаках с тем, чтобы определить, к какому именно экзегетическому жанру из наиболее распространенных в позднеантичной и византийской литературной традиции она принадлежит. Мы убеждены, что только получив ответ на поставленный вопрос, возможно будет решить и другие, непосредственно связанные с ним вопросы, как например, о составе, происхождении или авторстве Толковой Палеи.

***

Говоря о происхождении и развитии экзегетических жанров в христианской литературе необходимо вспомнить обстоятельства, в которых развивался интерес христиан к Ветхому Завету, не забывая об истоках культурной традиции. Начнем с замечания, на первый взгляд тривиального, о том, что главной темой самой древней христианской экзегетики является толкование жизни и деятельности Иисуса Христа в свете пророчества Ветхого Завета, и, следовательно, узнавания в нем обещанного Богом Мессии. Эта богословская идея противостояла иудейскому учению, которое не признавало Иисуса Христа как Сына Божьего. И именно в толковании Ветхого Завета проявились первые противоречия между ранней Церковью и иудейской традицией. Христиане фактически видели в Иисусе Мессию, возвещенного пророками, и поэтому толковали ветхозаветные пассажи мессианского содержания как пророчества о нем, в то время как большинство иудеев не принимало такого тождества. Это противостояние породило полемику,

в центре которой были прежде всего пророчества и их связь с жизнью Христа (Simonetti 1981: 15).

Но и в раннем христианстве существовала группа верующих, придерживавшихся более строгого иудействующего подхода и не желавших признавать подлинность божественного характера Христа. Другие же христиане, напротив, чувствовали себя менее привязанными к иудейскому наследию и буквальному соблюдению его предписаний. Так, например, Апостол Павел читал Ветхий Завет через Христа и таким образом видел его тайну раскрытой; следовательно, он толковал Пятикнижие как префигурацию Христа и Церкви. Так сформировалось типологическое прочтение Ветхого Завета, в котором Адам является τύπος, т. е. образом, Христа (или, напротив, αντίτυπος, поскольку он суммирует человечество в грехе, а Христос – в спасении), проход израильтян через Красное море – символом крещения, бронзовый змей из Числ. 21:9 и пасхальный агнец из Исх. 12:1 – префигурацией распятия и смерти Христа, и т. д. К типологическому толкованию герменевтика Ветхого Завета присоединила и аллегорическую трактовку, направленную на выявление другого значения, выходящего за рамки буквального и непосредственного смысла рассматриваемого отрывка. Такой подход широко развивали толкователи в первые века (Simonetti 1985).

Сохранившаяся литература так называемого «субапостольского» периода (конец I – начало II вв.) свидетельствует о разнообразии подходов к Ветхому Завету, которое отразилось в христианской экзегезе раннего периода. В ней также прослеживается потребность христиан защищаться от презрения образованных язычников. Большинство повторяющихся «сложных вопросов», с которыми сталкивались экзегеты Бытия, происходят от языческих возражений, а также от первых великих ересей – таких как маркионитство и манихейство. К примеру, им приходилось оправдывать молчание Писания о происхождении духовных существ и некоторых из четырех первоначальных веществ (воздух, огонь), библейскую космологию, несовместимую с тогдашними философскими и научными учениями, антропоморфное представление Бога, туманность и противоречия в библейских хронологии и генеалогиях, неправдоподобные явления (например, ковчег в повествовании о потопе) или такие недопустимые для языческой морали обычаи, как многоженство патриархов или кровосмешение между Лотом и его дочерями (Petit 1996: 250–251).

Для того, чтобы прояснить «темные места», христианские экзегеты применяли к Писанию приемы толкования, которым обучали в школах для изучения светских текстов: философскую и моральную аллегорию в александрийской среде, исторический метод в антиохийской среде, но при этом они унаследовали, как мы увидим, и литературные их формы. Аллегорический метод пережил период наибольшего расцвета благодаря александрийским авторам (в первую очередь, Оригену), согласно которым ключ к ветхозаветной истине находится в личности Иисуса Христа, но позже он оказался подвергнутым критике авторов, связанных с антиохийской экзегетической школой. К этому направлению принадлежали, наряду с наиболее непоколебимыми «буквалистыми» экзегетами, и Иоанн Залатоуст, и Феодорит Кирский. Именно Феодорит стремился умерить строгий буквализм антиохийского учения, приняв в некоторой степени традиционное христологическое толкование Ветхого Завета. Его перу принадлежат как обширные последовательные экзегетические труды, так и самые первые произведения такого же содержания, но в форме вопросов и ответов, известной в греческом как ἐρωταποκρίσεις. Этот литературный жанр, сжатый и гибкий в своей сочетаемости, эффективно содействовал широкому распространению Феодоритовой экзегезы во всем христианском мире.

Несмотря на определенные различия в подходе, экзегеты раннего периода стремились доказать, что самым важным моментом в истории спасения человечества является пришествие Христа, и поэтому подчеркивали единство Священного Писания, раскрывавшего Божий замысел для человека. Таким образом, они утверждали необходимость объяснять Библию посредством самой же Библии, будучи убеждены в том, что содержание Ветхого Завета должно было полностью соответствовать содержанию Нового Завета (Petit 1996: 251). Именно в этом следует видеть первопричину типологического толкования Ветхого Завета. Данный подход не был чужд герменевтике языческой литературы: вобрав в себя его наследие, христианские экзегеты унаследовали и литературные формы комментариев, которые сопровождали языческие произведения.

Ж. Дориваль выделяет три этапа в истории использования различных видов языческих экзегетических жанров (Дориваль 2014). Первый этап был ознаменован обращением к гомилетическим и пророческим текстам, а также специфичным собраниям ветхозаветных

отрывков, известным в научном обиходе под названием *testimonia*, т. е. «свидетельства». На протяжении второго этапа получили распространение собственно толкующие комментарии и, в более ограниченной степени, схолии. Третий этап характеризуется широким использованием несистематических толковательных текстов во всем многообразии их форм: схолии (σχόλια), вопросы и ответы (ἐρωταποκρίσεις) или же исключительно краткие изложения, созданные в силу конкретных обстоятельств и известные как ὑποθέσεις.

Рассмотрим перечисленные литературные жанры более подробно.

1) *testimonia* – это тематически упорядоченные сборники цитат из Ветхого Завета, например, о мессианской природе Иисуса Христа, о Страстях Христовых, Его Воскресении, о некоторых реалиях Ветхого Завета, о конце иудейского культа. Все говорит о том, что эти тексты представляют собой первоначальную форму литературного толкования, появившегося в христианстве и заимствованного из иудаизма[3]. Напомним, что латинское собрание цитат об иудеях, известное под названием *Testimonia ad Quirinum*, было составлено Киприаном Карфагенским около 250 г. Первое собрание на греческом языке на эту тему ошибочно приписывалось Григорию Нисскому (Dorival 2014: 164).

Похожую форму имеют так называемые ἐκλογαὶ προφητικαί, т. е. пророческие извлечения, составленные из ветхозаветных цитат профетического характера и снабженные краткими толкованиями. Именно так они представлены, к примеру, в собраниях Климента Александрийского. Эти сборники относятся к литературному жанру поздней античности, известному как ἐκλογαί, т. е. собрания избранных цитат на разные темы.

Гомилетический жанр бытовал уже в иудаизме во времена Иисуса, когда речь шла о толковании Моисеева Закона и пророческих текстов в синагоге, но в христианстве он приобрел высокоразвитую форму, наиболее соответствующую литургическому времени (Simonetti 1995).

2) Комментарии, известные как ὑπόμνημα (более употребительным является форма множественного числа – ὑπομνήματα), представляют собой литературную форму языческого происхождения, которую отличают две характерные особенности. Первая заключается в том, что автор пишет текст в форме личных примечаний, не прибегая

[3] Научная литература, посвященная данной тематике, исключительно обширна, см. (Morlet 2021).

к специфическим литературным приемам. Вторая состоит в том, что он досконально соблюдает структуру толкуемого текста. Ученые до сих пор спорят о том, как именно весь этот материал был физически представлен на странице рукописной книги. Такая литературная форма была широко распространена среди христианских экзегетов (Dorival 2014: 167–168). В этих текстах используется схоластическая экзегетическая техника, иногда комментируются лишь части библейской книги, имеющей самостоятельную структуру, например, благословения Исаии (комментируемые Ипполитом), заглавия и порядок псалмов (комментируемые Григорием Нисским) или, опять же, сотворение по Бытию (Шестодневы). В византийскую эпоху близость комментариев с гомилиями позволяла легко превратить часть комментария в гомилию. Получалось и так, что, наоборот, комментарии включали отрывки, взятые из гомилий (Dorival 2014: 168).

Схолия – это короткая или обширная статейка-толкование библейского отрывка, стиха или же отдельного слова. По-гречески она называлась двумя терминами: *σχόλιον* или *σημείωσις*. И этот литературный жанр берет свое начало в древнегреческой словесности, например, в комментариях к Гомеру или грамматической литературе. Вопросу происхождения и форме схолий посвящена обширная литература, позволившая установить, что их объем мог широко варьировать от нескольких предложений до нескольких страниц, что зависело от толкуемой темы (Montana 2011). Ориген широко использовал этот жанр наряду с систематическими комментариями: у него схолия, связанная, как правило, с идеей сжатости, нередко занимает несколько страниц. Кроме того, Ориген является и создателем особого типа комментария в виде схолий-статеек, т. е. комментариев, в которых толкуются лишь определенные места библейского текста посредством более или менее обширных схолий[4]. Эта литературная форма отчетливо различается от анонимных схолий, расположенных на полях библейских рукописей. Обозначая комментарии-схолии Оригена латинским словом *excerpta* (множественное число термина *excerptum*, т. е. «извлечение из письменного текста»), Иероним подчеркивает специфику комментария в виде статеек, в которых интерпретируется не

[4] К этому типу комментария часто прибегал и Исихий Иерусалимский (Leanza 1993: 38–39).

целый библейский текст, а лишь некоторые, значимые или сложные отрывки из него[5].

3) На последнем этапе истории христианской экзегетики тенденция к лаконичности и фрагментарности становится преобладающей, и авторы уже предпочитают коротко комментировать некоторые, особенно сложные детали библейского повествования. Схолии оказываются чрезвычайно пригодными к такому типу истолкования, как равно и жанр вопросов и ответов (Dorival 2014: 170). В античности он употреблялся при толковании гомеровских произведений, а по отношению к Библии им впервые воспользовался Филон Александрийский в своих «Вопросах и ответах» на Бытие и Исход. Вслед за ним форма вопросов и ответов широко распространилась среди христианских авторов на основе следующей техники: экзегет ставил вопрос о конкретном факте из Священного Писания и старался дать на него логический и убедительный ответ. Однако потребности краткости лучше всего соответствовала форма так называемой «гипотезы»: Евсевию Кесарийскому приписываются «Гипотезы о псалмах», в которых в свете христианского учения в одном лишь предложении изложено содержание каждого псалма (Dorival 2014: 170–171).

На этом этапе получает завершение история всеобъемлющей оригинальной христианской экзегетики и появляется потребность в более легких для пользования синтезах. Именно в этих условиях зарождается литературная форма экзегетики, которую позднее стали условно называть латинским термином катена (*catena*), буквально «цепь [толкующих статеек]». Это – особый тип собрания экзегетических отрывков, касающихся какой-либо библейской книги, которое было

[5] Взаимосвязь между комментариями и схолиями в светской и экзегетической литературе понималась по-разному, и дискуссия на эту тему продолжается до сих пор. Бытует, с одной стороны, мнение, что ὑπομνήματα были пояснительными записками учителей, а схолии – более или менее спорадическими примечаниями, сделанными учениками или читателями (Hadot 2005: 422–423). С другой стороны, эту интерпретацию отрицают, поскольку существуют свидетельства того, что термин σχόλιον, уменьшительная форма от σχολή, т. е. «лекция», обычно означал «краткое объяснение», «примечание» и, помимо прочего, не подразумевал в древности никакого указания на положение самой заметки по отношению к комментируемому тексту (Montana 2011: 105–106).

составлено поздними редакторами путем их выборки из более ранних экзегетических, скорее всего, патристических, произведений. Жанр катен возник в VI в. в Палестине, и связан, предположительно, с именем Прокопия Газского, получив дальнейшее распространение под разными названиями: ἐκλογαὶ ἑρμηνειῶν, ἐξηγησις διαφόρων, ἐξηγητικῶν ἐκλογῶν ἐπιτομή, συναγωγὴ (συλλογὴ) ἐξηγήσεων, παραγραφαί. Данные термины указывают на двойственную природу этих произведений: они являются одновременно и толкованиями, и кратким изложением определенного отрывка библейского текста. По сути, катена является результатом извлечения сжатых объяснений, представляющих собой синтез более крупных и полных комментариев, а также выбора типа и содержания толкований (Devreesse 1928).

Катены имеют и то преимущество, что они сохраняют материал из не дошедших до нас, утраченных экзегетических трудов, хотя и в фрагментарной форме. Несмотря на то, что в рукописной традиции они разнообразны, их объединяет формальная своеобразность, не позволяющая спутать их с простыми экзегетическими сборниками: катены неизменно сопровождают библейский текст, комментируя его шаг за шагом и сопоставляя толкования, извлеченные из разных произведений. Каждая выдержка в катене снабжена леммой, в которой указывается имя автора в родительном падеже или же только его инициалы, что часто порождает заблуждения в атрибутировании данного текста (Dorival 2016: 67; Petit 1991–1996, I: XIII)[6]. В этом своеобразном сочленении текстов нашло отражение само название – «цепь», предполагающее то, что толкования библейского текста как будто прикованы друг к другу[7]. Катены могут быть вплетены в библей-

[6] Установить авторство текстов катен бывает сложно. Переписчики катен оставляли место рубрикаторам для вставления имен авторов, а иногда писали их в сокращенном виде, который не всегда поддается раскрытию, порою в полном, а иногда и вовсе забывали о них. Нетрудно себе представить, как в момент дальнейшего переписывания катен имена могли опускаться, и тогда соответствующие тексты сливались между собой. Имеющие сходные имена авторы могли быть перепутаны друг с другом и, наконец, сокращенные формы имен могли связываться с разными одноименными авторами: например, Евсевий мог быть Евсевием и Эмесским, и Кесарийским, а Кирилл – и Александрийским, и Иерусалимским (Petit 1991–1996, I: XVI).

[7] Иногда неточно относят к катенам коллекции фрагментов или комментарии из произведения одного автора.

ский текст или написаны на внешних полях. Их составители цитируют как православных авторов, так и еретиков, однако в последнем случае они ссылаются только на произведения, в «православности» которых нет никаких сомнений (Petit 1991–1996, I: XIII).

Первоначально анонимные авторы-составители катен выбирали отрывки из комментариев, затем они стали пользоваться схолиями и гомилиями, и, наконец, – не сугубо экзегетическими произведениями, но связанными каким-то образом с интересным для составителей стихом из данной книги. По прошествии VI в. и до падения Византийской империи многие книги обоих Заветов комментировались в виде катен (Dorival 2014: 171).

Катены структурировались по-разному, в зависимости от толкуемой библейской книги. Для целей нашего анализа целесообразно рассмотреть катену на Бытие. Ни в одной рукописи не назван ни ее автор, ни заглавие, отсутствуют предисловие или заключение. Практически все они передают одну и то же катену (произведение) в завершенном виде, несмотря на то, что она не сохранилась в полном виде во всех списках, а в некоторых имеются поздние дополнения. Это значит, что она не создавалась постепенно, путем последовательной работы, а принадлежит перу лишь одного автора, преследующего конкретную цель: предоставить читателям объективное и удобное рабочее пособие по экзегетике. Хотя жанр произведения не разрешал составителю привести цитаты целиком, его работа позволяла читателю быстро сравнить экзегетические учения разных школ по тому или иному конкретному вопросу (Petit 1991–1996, I: XIV).

Катена – это в некотором смысле экзегетический синопсис. Цель ее составителя – сопоставить друг с другом разные толкования одного и того же библейского пассажа. Сам он не принадлежит ни к одной школе и свободно использует как антиохийские, так и александрийские толкования. Основными источниками катены являются комментарии и гомилии, но наряду с ними в ней приводятся и полемические тексты, включая инвективы, если они присутствуют в непосредственных экзегетических источниках. К катенам часто добавляются глоссы. Они содержат разнообразные сведения, преимущественно исторического, географического, лингвистического (например, этимология имен собственных), а иногда и филологического характера (например, разночтения библейского текста). Во многих списках писец размещает их по-особенному (на полях со ссылкой на Священный

текст) или же выделяет их, используя отличный от основного текста почерк (Petit 1991–1996, I: XV).

В силу своей функциональности греческие экзегетические катены получили, начиная с VI в., широкое распространение в византийском мире и за его пределами, как на греческом языке, так и в переводах. Греческая рукописная традиция чрезвычайно богата. При этом она оставалась живой и плодотворной в афонских монастырях вплоть до XVI в. Как правило, катены в рукописях определены как ἐξηγητικαὶ ἐκλογαί, т. е. экзегетические извлечения; они могли и не иметь заглавия или же именоваться так, как библейская книга, которую комментировали.

Как уже отмечалось, источники, к которым обращались катенисты, разнообразны[8]. Обобщенно можно выделить три основных вида их использования: а) систематическое и предпочтительное использование трудов Иоанна Златоуста или, по крайней мере, сочинений близкого ему по методу Феодорита Кирского; б) цитирование лишь двух авторов, но с обширными отрывками прямо из их комментариев; в) цитирование Иоанна Златоуста и Феодорита Кирского наряду с палестинскими экзегетами. Особый тип катены – это катена в виде схолий, толкующая лишь определенные места библейского текста с помощью схолий. Есть все основания полагать, что она восходит к комментариям в форме схолий, выработанных Оригеном (Dorival 2016: 76–77).

С течением времени катены подвергались разным процессам преобразования: они использовались преимущественно для создания новых комментариев или в качестве хранилищ экзегетического материала, из которого можно было черпать, по мере необходимости, схолии. Таким новым видом комментария является тот, в котором отчетливо прослеживается катенарная структура, но отсутствуют ссылки на цитируемых авторов. На этой поздней фазе истории экзегетики автор составляет комментарий в духе патристической традиции, но в сплошной форме без толкуемого библейского текста и указания на экзегетов. В действительности имена все же встречаются время от времени, но ссылка на них не носит систематического

[8] Подробное описание типов «цепей» и цитируемых авторов см. в каталоге Каро-Лицмана (Karo-Lietzmann 1902), который не утратил в целом свою ценность, несмотря на некоторые исправления, предложенные в новейшей научной литературе.

характера. В случае необходимости, автор-составитель пересказывает, сокращает или расширяет свои источники.

Бесспорным примером преобразования катены в комментарий является Эпитома Прокопия Газского, представляющая собой обширный комментарий к Восьмикнижию[9]. В прологе сам Прокопий поясняет, как трудился над его составлением, а именно – сокращая более крупное произведение. Из его описаний явствует, что изначальный текст представлял собой катену[10]. По сути, Прокопий утверждает, что объединил огромный ряд экзегетических текстов в одно целое, отказавшись от ссылок на авторов, отбирая, синтезируя и систематизируя весь этот материал в одно органическое целое (Petit 1991–1996, I: XVII–XVIII). Кроме того, он сохранил сжатые рубрики из библейского текста с тем, чтобы читатель смог понять, какое именно место Священного Писания толкуется. Если цель составителя катены заключалась в том, чтобы сопоставить разные интерпретации конкретного библейского пассажа друг с другом, то Прокопий стремился сделать более доступной для читателя патристическую экзегетику (Petit 1996: 244).

Катенарное наследие весомо расширяется и значительно усложняется в последующие столетия. Петр Лаодикийский, к примеру, в своем комментарии на псалмы (Ἑρμηνείαι) опускает сокращения авторских имен использованных им извлечений, но перед некоторыми толкованиями вводит в текст указания ἄλλος, т. е. «другой [говорит]», или же ἄλλως, т. е. «по-другому». Следуя древним комментариям, он сохраняет отдельные имена авторов, приводя их в именительном падеже и сопровождая глаголом, означающим «говорить». Исходный материал перестроен следующим образом: а) сокращены, пересказаны или суммированы отдельные фрагменты; б) в целом группа стихов комментируется не одним отрывком, объединяющим толкования нескольких авторов, а двумя-тремя отрывками. Отрывки, которые следуют за первым, вводятся с помощью слов: ἄλλος, ἄλλως,

[9] Обозначение «эпитома» появляется в надписании первой части произведения: Ἀρχὴ σὺν θεῷ τῆς εἰς τὴν Γένεσιν τῶν ἐκλογῶν ἐπιτομῆς Προκοπίου χριστιανοῦ σοφιστοῦ, в более древней рукописи Münich, Bayerische Staatsbibliothek, *Monacensis gr. 358*). Издание первых частей комментария опубликовала К. Мецлер: на Бытие (Metzler 2015), на Исход (Metzler 2020).

[10] Вопрос о взаимозависимости остается спорным (Dorival 2016: 73–74).

ἕτερος (Dorival 1985: 218). Дориваль объясняет распространение и продолжительное бытование в обороте комментариев, составленных на базе катен, тем, что они позволяли их авторам сочетать два требования византийской религиозной и культурной истории: с одной стороны, не выходить за пределы традиции Отцов (продолжая обращаться к уже существующим материалам), с другой, организовывать древние материалы по-новому. Таким образом они не просто повторяли учение Отцов, но на базе традиционного учения создавали новое (Dorival 1985: 226).

Наследие катенарной традиции проявилось также в переводе на разные языки как катен, так и комментариев, составленных на базе катен. Оно содержало в себе разные схолии, которые, в свою очередь, были переведены и переорганизованы в новые собрания, что позволяло читателям ближе познакомиться с патристической экзегетикой в более удобных формах. Их переводы и, соответственно, бытование в других языковых средах, давало возможность познакомиться и с композиционной техникой экзегетического материала. Славянская среда также оказалась вовлечена в этот процесс, о чем свидетельствует немалое количество патристических и, в целом, экзегетических, флорилегий на старославянском языке и широкое распространение экзегетических трудов антиохийской школы, особенно Феодорита.

***

Толковая Палея, на наш взгляд, – произведение, не чуждое описанному процессу рецепции патристической литературы. Наш анализ памятника выявил в его структуре некоторые общие характеристики с комментариями, составленными на основе экзегетических катен, в частности, на основе катен в виде схолий (катен-схолий), а это позволяет прийти к выводу, что он также является произведением, принадлежащим катенарному наследию. Вывод этот, по существу, опирается на то, что: а) надписание произведения, если оно приводится, несмотря на разновидность его формы в рукописной традиции, определяет текст как толкование Ветхого Завета; б) в организации текста соблюдена последовательность событий, изложенных в Восьмикнижии, но его не сопровождает библейский текст – в отличие от того, как сложились катенарные комментарии. Библейский текст цитируется только вкратце и не постоянно.

Рассмотрим более подробно, какие именно формальные элементы, связанные с вышеприведенными аргументами, наиболее полно соответствуют нашим выводам:

1) Установлено, что славянское название «Палея» является транскрипцией греческого названия Священного Писания «παλαιὰ διαθήκη». Оно могло обозначать как Ветхий Завет в целом, так и Пятикнижие, или же Восьмикнижие (Славова 2002: 38–40). В сочетании с именем прилагательным толковая, как нам кажется, этот термин соответствует очень часто встречающейся в греческих заглавиях синтаксической структуре.

В. М. Истрин считал словосочетание палеꙗ толковая синонимичной формой выражения палеꙗ с тълкъмъ, встречающегося, например, в надписании группы библейских толкований в форме вопросов и ответов, переписанной на лл. 131–141 Изборника XIII в. (Изб): а се отъ палѣи с тълкъмъ. Ученый предположил, что выражение палѣꙗ с тълкъмъ соответствовало греческому παλαιὰ σὺν ἑρμηνείαις, которое должно было быть названием греческого текста, лежащего в основе ранней славянской версии палеи. По мнению исследователя, от этого не дошедшего до нас изначального текста, в результате существенных изменений в славянской среде, происходила Толковая Палея. Масштаб таких изменений не позволял бы считать ее простым переводом с греческого (Истрин 1898: 71).

Мы не считаем, что словосочетания палѣꙗ толковая и палѣꙗ с тълкъмъ полностью синонимичны. Выражение παλαιὰ σὺν ἑρμηνείαις или палѣꙗ с тълкъмъ, как нам кажется, явно относится к библейскому тексту с толкованиями, т. е. к ситуации, в которой библейский текст сопровождается непрерывными толкованиями в виде маргинальных схолий, примеры которых нередко встречаются в рукописях[11], или к настоящим катенарным комментариям. Напротив, словосочетание с действительным причастием как в греческом, так и в славянском, обозначает произведение, которое что-то толкует. Например, заглавие сочинения

[11] Маргиналные схолии сопровождают, к примеру, Восьмикнижие, РГБ, Ф. 87 (собр. В. И. Григоровича), № 1; кроме этого, текст обозначен в выходной записи первой части (Пятикнижия) на л. 209об. как сїа книга глѣмая палѣа и в выходной записи второй (Царств) на л. 373 как сїꙗ книгꙗ палеꙗ. То же самое встречается в рукописи Ветхого Завета 1558 г., Белград, Народна библиотека № 459, о чем пишет Сперанский (Сперанский 1898: 30–31).

Максима Исповедника прямо гласит: Ἐξήγησις κεφαλαιώδης περὶ τοῦ κατὰ Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν σωτηρίου Πάσχα τὸ διαγραφὲν κανόνιον ἑρμηνεύουσα, т. е. «Краткое объяснение, толкующее схему вычисления [года] Воскресения Христова Бога нашего». Следовательно, по нашему мнению, палѣꙗ толковаѧ более точно соответствует греческому выражению παλαιὰ [διαθήκη] ἑρμηνεύουσα [ἑαυτήν], то есть, «[само]-толкующий Ветхий [Завет]», иначе говоря, комментарию, построенному с тем, чтобы толковать Ветхий Завет.

Это в определенной степени подтверждается тем, что в списках, снабженных надписаниями, выражение палѣꙗ толковаѧ включено в более широкую формулу. Хорошо известно, что вариативность является характерной для надписаний средневековых произведений, включая и Толковую Палею. Несмотря на их разнообразие, мы считаем, что надписания Толковой Палеи содержат следы «катенарного» происхождения памятника, которые более очевидны в следующих случаях, на которых уместно остановиться:

• отсутствие какого-либо надписания памятника, как, например, в Кол, отражает аналогичную характеристику первоначальной греческой катены на Бытие, которая, как отмечает Ф. Пти, не имела собственного заглавия (Petit 1996: 243). Однако, в третьем по каталогу Каро-Лицмана типе этой катены название имеется и совпадает с названием толкуемой ею библейской книги, т. е. Бытия. В этом варианте засвидетельствовано надписание кн҃иг бытънскыꙗ рекомаꙗ палѣꙗ (Александро-Невский сборник, РНБ, собр. СПбДА, А.1.119), которое называет Толковую Палею тем же заглавием Бытия. Возможно, такая сжатая формулировка нуждалась в уточнении, что может объяснить происхождение расширенной формы сиа книгы бытиꙗ н(е)б(е)си и ꙁемли и всѧкои твари иже сътвори бг҃ъ всѧ дѣла своа исперва (ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 566 (1731/210), лл. 134–178, 1495 г.).

• В других надписаниях присутствует определенный дополнительный элемент, напрямую указывающий на толкующий характер текста. Например, заглавие сїѧ книга нарицаемаꙗ палеѧ богословїа единьство трисвѧтное, рѣчи ѿ евангелїа и ѿ ст҃ыхъ и ѿ раꙁличныхъ мужь (РГБ, Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоцкого монастыря), № 549, XV в.) подчеркивает, что приведенные изъяснения происходят из Евангелия и произведений святых отцов и разных экзегетов. Здесь же содержится лапидарная ссылка на неразделимое единство Троицы, т. е. трижды Святое Единство Отца, воплощенного Логоса и Духа, которое является

главной темой произведения. Это утверждение развернуто в названии типа: сіа книга нарицаемаа палеꙗ богословїа единьство трис(вѧ)тое ѿць бо безначаленъ ѿ него же роди сѧ с(н)нъ безлѣтенъ и д(оу)хъ единосоуще нъ ѿ ѿца изыде. троице с(вѧ)таа помози (ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 566 (1731/210), лл. 179об.–357), в котором более явно объясняется, что Отец не имеет начала, породил Сына вне времени, а консубстанциальный дух исходит от Отца. Можно предположить, что оно не было изначально частью надписания, но своего рода маргинальной схолией, позже в него включенной. В определенном смысле оно предвосхищает начальную часть произведения, общую во всех списках: б҃ъ преже всѣхъ вѣкъ ни начала имѣ ни конца. ꙗко б҃ъ силен. первоѥ створи ан҃глы своꙗ слугы своꙗ огнь пламенъ[12].

• На толковательную функцию произведения также указывает надписание ѿ бзѣ сотворениа сиꙗ книга глемаꙗ толковаѧ палеꙗ стих ѡць (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 620, XV в.), которое более четко определяет текст как трактовку божьего творения, согласно учению Святых Отцов.

• Более описательным нам представляется надписание типа сїа книга бытїѧ н҃бси и земли· изложенїе иж въ с҃тых оца нашего іоана златооустаго архиеп҃спа констѧтина града о сътворенїи твари видимыѧ и невидимыѧ и о пришестїи х҃вѣ и о въплъщенїи его и о распѧтїи и о въск҃рсенїи и о сѫдѣ его и о законѣ и отвръженїи жидовстѣм (Киев, Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, Коллекция Мелецкого монастыря № 114, *olim* Киевская духовная академия Аа 1292). Оно прямо указывает на комментарий Иоанна Златоуста (изложенїе) на Бытие, в котором Отец Церкви объясняет создание видимых и невидимых существ, вочеловечение и воскресение Иисуса Христа, отвержение иудейства и исчезновение его культа. Эта отсылка особо важна ввиду того, что Иоанн Златоуст является очень часто цитируемым в катенах автором. И это нам кажется еще одним, правдоподобным доказательством происхождения Палей из катенарной традиции, а не результатом вставки какого-либо славянского писца.

2) Текст толкует только определенные места Священного Писания. После каждого пассажа толкования расположены в форме, напоминающей своеобразную «гроздь», не позволя им слиться воедино

[12] Стоит отметить, что эта тема широко трактуется в дошедших до нас трудах апологета Татиана.

и утратить индивидуальность. Мы предполагаем, что такая структура восходит к собраниям различных толкований разных авторов и экзегетических школ, имеющих форму комментариев в виде схолий или происходящих из катен-схолий, из которых были сознательно удалены указания на авторов. Иными словами, Толковая Палея отражает форму греческих эпитом катенарного происхождения, в которых крайне редко толкования снабжены авторскими леммами, а когда имеется имя автора, то оно приводится в именительном падеже, а не в родительном, как будто являясь вводной формулой к новой выдержке. Например: днь ·ѕ· реч іоан ꙁлатооустыї в глѣхъ (Кол, л. 22об.; изд.: стб. 87, р. 20). Нередко встречается и более общее указание ст҃ии о҃ци рѣша (там же, л. 2 и в других местах).

В греческих эпитомах часто используются такие вводные выражения как ἄλλος δέ φησι («другой говорит, что»), или глагол в третьем лице единственного числа φησί («говорит»), или же наречие ἄλλως («по-другому»). Соответствующие славянские формулы встречаются и в Толковой Палее: прежде всего, глагол рече[13], а также и҃нъ ѥдинѣмъ словомъ (Кол, л. 3; изд.: стб. 2, р. 6), инде глют (там же л. 49об.; изд.: стб. 195, р. 4) иноѥ же все ꙗснѣѥ подъшедъше ти оукажемъ (там же л. 49об.; изд.: стл. 195, р. 13–15). Толкование, почти систематически, обозначается указанием толк / тълк, или одной только начальной буквой Т большего размера, или же вписанной в кружке.

В целом, Толковая Палея производит впечатление, что она писалась лишь одним писцом, который собрал и органично изложил толкования разных Отцов, адаптируя их и снабжая собственными наблюдениями.

4) В тексте часто встречаются риторические обращения к «иудею», введенные для того, чтобы опровергнуть иудейское отрицание мессианского характера Иисуса Христа. Эти толкования имеют скорее апологетические, чем полемические оттенки, что характерно и для греческой катены на Бытие. Текст, по существу, создает впечатление, что он строился с целью как можно ярче и убедительнее доказать, что Ветхий Завет может быть понят лишь в свете пришествия Христова.

5) Отказ от иудаизма восходит к отцам-апологетам, которые, как уже отмечалось, защищали новую веру от внешних противников, т. е.

[13] Употребление этой формы глагола привлекало внимание разных ученых, см. (Мильков 2020).

язычников и иудеев. Они читали Писание через аллегорию и типологию, выявляя префигурацию Христа в Ветхом Завете. Этим они опровергали обвинения против христологического толкования Священного Писания, превратив их, в свою очередь, в обвинения против своих оппонентов. Толковая Палея непосредственно вписывается в эту литературную традицию как по содержанию, так и по риторике.

6) Этим объясняется и то, что Толковая Палея не имеет завершающей части в такой форме, которая позволила бы ее распознать как заключительную: комментарий на последнюю книгу Восьмикнижия внезапно прерывается, за ним следуют собрания пророческих текстов об Иисусе Христе, объем и тип которых варьирует в рукописной традиции. Они состоят в основном из древних *Testimonia*, из христологических толкований на отрывки из Псалмов, из приписываемых Соломону пророческих изречений, из более или менее обширных схолий типа «обращения к жидовину»[14].

7) Как уже отмечалось, в начальной части Толковой Палеи звучит тринитарное богословие, которое отцы-апологеты начали создавать: о безначальности, вневременности, единственности, невидимости и не-материальности Бога.

8) Аналогично, во вступительном разделе Толковой Палеи обсуждается тема об ангелах и падших ангелах, также являющаяся центральной в размышлениях отцов-апологетов. На наш взгляд, все эти элементы указывают на то, что по своему литературному жанру Толковая Палея является видом комментария, происходящего из катен.

Проблема спорадической ссылки на определенную Палею в других средневековых произведениях была подробно изучена Истриным. Ученый обратил внимание на группу библейских толкований в Изб (лл. 131–141) под заглавием а се отъ палѣе с тълкъмъ, которую он обнаружил и в сборнике, названном Кааф. Однако Истрин исключил, что она могла попасть в эти собрания из Толковой Палеи в том виде, в котором она дошла до нас. Тем не менее, данная ссылка в Изб требует размышления. Сама рукопись является очень интересной для изучения механизмов передачи и распространения экзегетической литературы на Руси, поскольку включает в себя, под надписанием книги нарицаемыа изборникъ и ѿ многъ бц̑ь тълкованы ⟨благос⟩лови оте,

[14] О видах конвоя Толковой Палеи см. (Анисимова 2020).

собрание толкований Отцов, имена некоторых из них указаны в начале толкований или на полях рукописи.

Нам кажется очевидным, что термин изборникъ образован от старославянского глагола изьбрати, соответствующего греческому *ἐκλέγω*, для перевода греческого технического термина *ἐκλογαί*, указывающего на собрания толкований, расположенных по темам[15]. Экзегетические тексты в рукописи, принадлежащие в большинстве своем жанру схолий и вопросоответов, графически организованы таким образом, что найти темы и связанные с ними толкования чрезвычайно легко, поскольку они обозначены, в свою очередь, буквой Т, вписанной коричневыми чернилами в кружок красного цвета. В конце каждого толкования ставится точка в середине строки.

В рукописи нередко указаны источники, из которых заимствованы тексты. Когда источником является какая-то толкуемая библейская книга, указание написано красным цветом буквами большего размера и следующим образом: а се ѿ апла съ тълкоⷨ (лл. 15–17об); а се ѿ евангльа съ тълкъⷨъ (лл. 24–34об.); а се ѿ палѣе с тълкъⷨъ (лл. 131–141). Учитывая симметричность этих названий, считаем правдоподобным, что указание а се ѿ палѣе с тълкъⷨъ относится к какому-то ветхозаветному комментарию в виде схолий или к настоящей катене. Не исключено, что составитель Изборника – или его предположительного протографа – черпал материал из библейских книг «с толкованием» на греческом языке или же из греческих катен.

Не менее интересным является и то, что на лл. 180–196об. этой рукописи находится текст под заглавием рѣчи к жидовиноу о въчловѣчении сѣна божиа, являющийся переводом анонимного греческого произведения[16], или, точнее, переводом некоторых его выдержек. Особенности перевода отмечены Й. Райнхартом (Райнхарт 2015: 290–291), которые состоят в сокращении переведенных глав, включении многочисленных вставок (они «довольно длинные преимущественно в конце

[15] Подобным образом старославянское обозначение съборникъ образовано от глагола събьрати, соответствующего греческим формам *συνάγω*, *συλλέγω*, для передачи греческого названия *συναγωγή ἑρμηνείων*, в котором подчеркивается действие сбора, а не выбора, например: книга съборникъ ст҃ыхъ ѡц҃ъ (ГИМ, Син. № 638, XVI в., ф. 4об.) В эту рукопись включены некоторые флорилегии и Историческая Палея.

[16] Греческий текст подготовил и издал Хосе Деклерк (Declerck 1994).

глав» (Там же: 291), без соответствия в греческом тексте, изданном Деклерком. Это дает нам возможность предположить, что текст в Изборнике переведен из какой-то катены, в которой греческий текст уже появлялся в форме, приспособленной к требованиям жанра. Не случайно, как нам кажется, в рукописи находится и перевод части комментария Никиты Ираклийского на Григория Назианзина. Хорошо известно, что Никита Ираклийский был автором многочисленных экзегетических произведений, в том числе и катен. Из сказанного вытекает, что дальнейшее подробное изучение сборников экзегетических текстов могло бы раскрыть более тесные связи этой литературы в славянском языке с катенарной и посткатенарной греческой литературой.

Подытоживая, вновь отметим, что проведенный анализ, пока сосредоточенный на формальных и жанровых элементах, позволяет все же сделать определенные выводы. Во-первых, Толковая Палея является исключительно экзегетическим произведением, унаследовавшим свою структуру из греческой экзегетической традиции. Она толкует Восьмикнижие посредством выдержек из сочинений разных древних экзегетов, расположенных таким же образом, как и в греческих катенах – иными словами, они переплетены, но не слиты друг с другом и не включают библейский текст. Как известно, такая структура характерна для комментариев, составленных из катен уже в греческой среде: такие компиляции фактически являются преобразованием более древних и обширных собраний экзегетических отрывков в катенарной форме в более синтетические комментарии в виде пособия, поэтому из них удаляются и библейский текст, и авторские леммы.

Учитывая большое количество первоисточников, включенных в этот тип комментариев, трудно представить, что Толковая Палея в своем первоначальном составе была создана в славянской среде с помощью уже переведенных с греческого текстов. Ввиду того, что посткатенарные комментарии получили широкое распространение во всей византийской культурной среде, т. е. и за пределами византийского царства, более правдоподобным является предположение о раннем славянском переводе с греческого какого-то из многочисленных комментариев, бывших в обороте.

На основании дошедших до нас рукописей можно предположить, что такой перевод был выполнен на Руси в начале XIV в.: в пользу

этого говорят, с одной стороны, постоянные связи Русской Церкви с Константинопольской Церковью, чьи представители, несомненно, пользовались таким произведением, и, с другой, с монастырями Афона, где традиция таких комментариев была плодотворной. Разумеется, именно процветание этого жанра усложняет изыскание греческой модели. И все же определение литературного жанра памятника значительно сужает поиски греческой модели. Признание того, что Толковая Палея является переводом с греческого, ни в коей мере не умаляет ее ценности: роль перевода в создании новых литературных, и в широком смысле, культурных традиций бесспорна. Экзегетическая литература, благодаря переводу, способствовала утверждению и распространению местной традиции, на основе которой общество и Церковь создали свое собственное христианское самосознание и, пусть опосредованно, вобрали в себя фрагменты той классической традиции, носителями которой были Отцы Церкви.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Кол – Коломенская Палея. Москва, РГБ, Ф. 304/I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 38; изд.: Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М. Тип. и словолитня О. Гербека, 1892–1896. Вып. 1–2.

Син – Синодальная или Псковская Палея 1477 г. Москва, ГИМ, Син. № 210; изд.: Толковая Палея 1477 г.: воспроизведение Синодальной рукописи № 210. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1892. Вып. 1.

Изб – Изборник XIII в. или Толстовский. СПб., РНБ Q.п.I.18.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2019 – *Алексеев А. А.* Чтение Библии в Древней Руси // Актуальные вопросы церковной науки. СПб. 2019. Вып. 2. С. 209–217.

Анисимова 2020 – *Анисимова Т. В.* Неизвестное обращение к «жидовину» в окончании Толковой Палеи середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 29–44.

Водолазкин 2007 — *Водолазкин Е. Г.* Новое о палеях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // Русская литература. 2007. № 1. С. 3–23.

Истрин 1898 – *Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой Палеи // Сборник ОРЯС. СПб. 1898. Т. 65. № 6. С. 1–155.

Козлова 2022 – *Козлова А. Ю.* К вопросу о редакциях Толковой Палеи // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2022. № 2 (88). С. 130–146.

Мильков 2020 – *Мильков В. В.* Толковая Палея: проблемы интерпретации. Некоторые итоги почти двухвекового изучения памятника // Герменевтика древнерусской литературы. М. 2020. Т. 19. С. 167–284.

Райнхарт 2015 – *Райнхарт Й.* Древнерусский антииудейский трактат, его греческий оригинал и проблема его происхождения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2015. № 2 (5). С. 289–332.

Славова 2002 – *Славова Т.* Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2002.

Сперанский 1892 – *Сперанский М. Н.* Историјска Палеја њени преводи и редакције у старој словенској књижевности // Споменик Српске краљевске академије. II разред. Београд, 1892. Књ. 16. С. 1–15.

Сперанский 1898 – *Сперанский М. Н.* Заметки о рукописях Белградских и Софийской библиотек // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1898. Т. 16. С. 1–87.

Творогов 1987 – *Творогов О. В.* Палея Толковая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1. С. 285–288.

Declerck 1994 – *Declerck J. H.* Anonymus dialogus cum iudaeis saeculi ut videtur sexti. Turnhout, Leuven: Brepols, Univ. press, 1994 (Corpus christianorum. Series graeca. 30).

Devreesse 1928 – *Devreesse R.* Chaînes exégetiques grecques // Dictionnaire de la Bible. Supplément tome I. Paris: Letouzey et Ané, 1928. P. 1084–1233.

Dorival 1985 – *Dorival J.* La postérité littéraire des chaînes exégétiques grecques // Revue des études byzantines. 1985. T. 43. P. 209–226.

Dorival 2014 – *Dorival J.* The Bible, Commentaries, Scholia, and Other Literary Forms // On the Fringe of Commentary: Metatextuality in Ancient Near Eastern and Ancient Mediterranean Cultures / Ed. S. H. Aufrère, Ph. S. Alexander, Z. Pleše in association with C. J. Bouloux. Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2014. P. 164–174 (Orientalia Lovaniensia Analecta. 232).

Dorival 2016 – *Dorival J.* Biblical Catenae: Between Philology and History // Commentaries, Catenae and Biblical Tradition. Papers from the Ninth Birmingham Colloquium on the Textual Criticism of the New Testament, in Association with the COMPAUL Project / Ed. H. A. G. Houghton. Piscataway, 2016. P. 65–81.

Hadot 2005 – *Hadot I.* Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique. Contribution à l'histoire de l'éducation et de la culture dans l'Antiquité. Paris: VRIN, 2005.

Karo, Lietzmann 1902 – *Karo G., Lietzmann I.* Catenarum graecarum catalogus // Nachrichten der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Göttingen, 1902. Bd. 1, 3, 5. S. 1–66, 299–350, 559–620.

Leanza 1993 – *Leanza S.* I commenti a scolii. Contributo alla storia dell'esegesi patristica // Itinerarium. 1993. T 1. P. 31–42.

Metzler 2015 – *Metzler K.* (ed.). Prokop von Gaza, Eclogarum in libros historicos Veteris Testamenti epitome. Teil I: Der Genesiskommentar. Berlin: De Gruyter, 2015 (GCS, N. F. 22).

Metzler 2020 – *Metzler K.* (ed.) Prokop von Gaza, Eclogarum in libros historicos Veteris Testamenti epitome. Teil II: Der Exoduskommentar. Berlin: De Gruyter, 2020 (GCS, N. F. 27).

Montana 2011 – *Montana F.* The Making of Greek Scholiastic Corpora // From Scholars to Scholia: Chapters in the History of Ancient Greek Scholarship / Ed. F. Montanari, L. Pagani. Berlin; New York: De Gruyter, 2011. P. 105–161 (Trends in classics. Supplementary volumes. 9).

Morlet 2021 – *Morlet S.* Les Testimonia, de la fin de l'Antiquité à Byzance: remarques sur une histoire qu'il reste à écrire // Receptions of the Bible in Byzantium: Texts, Manuscripts, and their Readers / Ed. R. Ceulemans, B. Crostini. Uppsala, 2021. P. 109–126 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia. 20).

Petit 1991–1996 – *Petit F.* La chaîne sur la Genèse. Édition intégrale / texte établi par Françoise Petit. Vol. I–IV. Louvain: Peeters, 1991–1996 (Traditio exegetica graeca. 1–4).

Petit 1996 – *Petit F.* La chaîne grecque sur la Genèse, miroir de l'exégèse ancienne // Stimuli: Exegese und ihre Hermeneutik in Antike und Christentum. Festschrift für Ernst Dassmann / Hrsg. G. Schöllgen, Cl. Scholten. Münster, 1996. S. 243–253 (Jahrbuch für Antike und Christentum – Ergänzungband 23).

Simonetti 1981 – *Simonetti M.* Profilo storico dell'esegesi patristica. Roma: Istituto Patristico Augustinianum, 1981.

Simonetti 1985 – *Simonetti M.* Lettera e/o allegoria. Un contributo alla storia dell'esegesi patristica. Roma, 1985 (Studia ephemeridis «Augustinianum». 23).

Simonetti 1995 – *Simonetti M.* Omelie e commentari patristici // Esegesi, parafrasi e compilazione in età tardoantica. Atti del Terzo Convegno dell'Associazione di Studi Tardoantichi / A cura di C. Moreschini. Napoli: M. D'Auria, 1995. P. 361–381.

Barbara Lomagistro
University of Florence, Italy

Some Remarks on the Paleya Tolkovaya Literary Genre

The paper analyses the formal features of the Paleya Tolkovaya with the aim of detecting its literary genre. The solution of such a question is considered essential in order to provide suitable responses for a lot of yet unsolved questions related to this important work of the ancient Russian literature, e. g. time and place of composition, original structure, and authorship. Taking into account the predominant exegetical content of the work, a special focus is devoted to the exegetical genres circulating in Late-Antiquity and Middle Ages, particularly to the *scholia* type commentaries and the biblical *catenae* and their late transformations. Such an examination allows making a conclusion that Paleya Tolkovaya is a biblical commentary derived from a *catena* type commentary, more exactly from a translation of a Byzantine post-catenarian commentary. It appears highly probable this translation was made in the 14th century in the East Slavic area, as a result of the quest for an exegetical synopsis suitable for the education of local clergy.

Key-words: biblical exegesis in OCS translation, Russian medieval literature, *scholia*, biblical *catenae*